

Министерство образования и науки Российской Федерации
Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

**И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ
И РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции,
21– 23 сентября 2017 г.**

Ответственный редактор
кандидат филологических наук, доцент
Е.П. Осипова

Рязань
2017

УДК 481+482(09)
ББК 80.4+81г
С 75

Издание подготовлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант РФФИ № 17-04-14046)

**И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы.
К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей
Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. /**
отв. ред. Е.П. Осипова; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2017. – 452 с.

ISBN 978-5-906987-27-3

В сборник Международной научно-практической конференции включены статьи отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих проблемы исторического языкознания в свете направлений научного наследия выдающегося ученого филолога-слависта: славяно-русской лексикологии, лексикографии, историко-лингвистического источниковедения, русской диалектологии.

Сборник предназначен для ученых-исследователей, преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов и всех, кто интересуется историей русского языка.

Ключевые слова: Срезневский, словарь, историческая лексикология, славяно-русская лексикография, источниковедение, русская диалектология.

Редакционная коллегия:

Е.П. Осипова, канд. филол. наук, доц. (отв. редактор),
Н.В. Колгушкина – заслуженный учитель РФ,
О.В. Никитин, д. филол. наук, проф.
И.Н. Хрусталеv, канд. филол. наук, доц.,
М.И. Чернышева, д. филол. наук, проф.

УДК 481+482(09)
ББК 80.4+81г

ISBN 978-5-906987-27-3

© Осипова Е.П., отв. редактор
© Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина», 2017

Шишков, А.С. Развитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году // Собрание сочинений и переводов. – Т. 12. – СПб., 1828. – С. 262–334.

Я.А. Пенькова

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН

К ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ СЛОВА *БУДТО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Аннотация. В статье на материале древне- и старорусского корпуса НКРЯ и картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» рассматривается история и происхождение слова *будто* в русском языке допетровской эпохи. В современном русском литературном языке *будто* употребляется как сравнительный, изъяснительный союз или модальная частица. В старорусском языке *будто* как сравнительный союз практически не фиксируется, исконными для *будто* являются употребления в роли модификатора – маркера недостоверности информации при передаче (цитировании) чужой речи, аналогичного современному *якобы*. Сравнительные употребления *будто* являются производными от модально-эвиденциальных. Старорусское *будто* предположительно восходит к устойчивой древнерусской конструкции *не буди то/того* со значением, близким к прохибитивно-дубитативному или даже апрехенсивному.

Ключевые слова: историческая лексикология русского языка, показатели недостоверности высказывания, изъяснительный союз, сравнительный союз, союз и частица *будто, якобы, как бы*.

Ya. A. Pen'kova

Vinogradov Russian language Institut of the Russian Academy of Sciences

TOWARDS THE HISTORY AND THE ORIGINS OF THE WORLD *BUDTO* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE MIDDLE AGES

Abstract. The paper is devoted to the semantics and the origin of the word *budto* in the Russian language of the pre-Petrine period. Data of both the National Russian corpus (corpus of Old and Middle Russian) and the card-index of the «Dictionary of the Russian language of the XIth – XVIIth centuries» served as a material for the study. In modern Russian, *budto* functions as a comparative conjunction, as a complementizer or as modal particle. Earlier in the history of the Russian language, *budto* as a comparative conjunction occurred very rarely. Originally, *budto* was a quotative-epistemic marker of the unreliable information, what is similar to the modern Russian *jakoby*. Comparative uses of *budto* derived semantically from the epistemic-evidential ones. Presumably, the Middle Russian *budto* derived structurally from the construction *ne bud' i to/togo* with prohibitive-dubitative (or even apprehensive) meaning.

Keywords: historical lexicology of the Russian language, markers of the unreliability, complementizer, comparative conjunction, conjunctions and particles *budto, jakoby, kak by*.

Глагольные формы в истории русского языка могли служить источниками служебной лексики. Так, формы от основы *буд-* в истории русского языка стали источником для большого числа служебных и дискурсивных слов, среди которых условный союз и модальная частица *буде(м)*, частица *нибудь* – формант неопределенного местоимения, союз и частица *будто*. В современных русских говорах реликтами форм от основы *буд-* являются также *буде/быде* в качестве условного, разделительного, сравнительного союза, модальной, вопросительной частицы или форманта неопределенного местоимения, присоединяемого как проклитически, так и энклитически (СРНГ 3: 242-244), союз и частица *будто/бытто*¹, имеющие более широкое употребление в отличие от их литературных когнатов (СРНГ 3: 339-340).

Лексические единицы, к которым принадлежит *будто*, относятся к классу показателей достоверности/недостоверности высказывания. В последние десятилетия возрос интерес к лексике такого рода. В [Козинцева 2000: 226-240] служебная лексика современного русского языка (в том числе союз *как будто*) рассматривается как один из способов выражения значений из семантического поля эвиденциальности. В [Булыгина, Шмелев 1997: 293-304] в рамках показателей достоверности/недостоверности выделяются *маркеры гипотетичности* и *квазиассертивы*. Последние «употребляются, когда говорящий располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел, хотя не вполне убежден в ее достоверности» [там же]. Квазиассертивы, в свою очередь, делятся на *импрессивы* (например, *кажется*), *квотативы* (маркируют чужой источник информации, например: *вроде, как будто, говорят*) и *операторы неуверенной оценки* (например, *мне кажется, по-моему*) [там же]. Таким образом, современный союз *как будто* представляет собой квотатив, который указывает на косвенный источник информации.

Н.Д. Арутюновой для описания единиц подобного рода (прежде всего, частиц *мол* и *дескать*) был предложен термин *ксенопоказатели* [Арутюнова 2000: 437-453]. Этот термин в дальнейшем более широко использован в [Плунгян 2008: 285-311], в этой же работе предложена новая интерпретация ксенопоказателей типа *мол, де, дескать*. Семантико-синтаксические и дискурсивные различия сравнительных конструкций с *как бы* и *как будто* в современном русском языке подробно рассмотрены в работе [Летучий 2008]. С диахронической точки зрения, много ценных наблюдений и выводов о средствах выражения косвенной речи содержат исследования Е.А. Власовой (см., например, [Власова 2014: 102-122]), эволюция основных маркеров ренарратива в истории русского языка рассмотрена М.В. Копотевым [Копотев 2014].

Ксенопоказатель *будто* с диахронической точки зрения подробно не рассматривался. В настоящей работе предлагается проследить некоторые аспекты истории и предыстории

слова *будто* в русском языке. Исследование выполнено на материале древне- и старорусского модулей НКРЯ, дополненных данными картотеки СРЯ XI-XVII вв. Поиск в НКРЯ осуществлялся по вхождениям *будт**, *бутт**, *будьто**, *бутъто** *будето**, *будито**, *быдто**, *быгто**, *бытъто**; найдены следующие варианты: *будто*, *бутто*, *бутъто*, *будъто*, *будтось*, *будтосе*, *будтося*, *бытто*, *бутта*. В картотеке СРЯ XI-XVII вв. и в самом Словаре найдены также варианты *бытъто* и *будетось*. Перечисленные варианты семантических различий не обнаруживают и при дальнейшем описании не разграничиваются. Ниже приводятся примеры из НКРЯ, если специально не оговорено иное.

Будто в современном русском литературном языке. Среди союзных употреблений *будто* в качестве основного словарями современного русского языка выделяется *будто* в роли сравнительного союза, в качестве второго – изъяснительный *будто*, вносящий значение сомнения [МАС: 121].

Частица *будто* (также в составе конструкции *как будто*), согласно Словарю частиц, имеет следующие употребления (толкования из [Шимчук, Щур 1999: 30-31]: «выражает неуверенное предположение о возможности сообщаемого» (например: *Лицо будто знакомое*); «выражает сомнение в искренности адресата, недоверие по отношению к сообщаемому им» (например: *Будто уж и вправду не понимаешь?*); «выражает уверенность в противоположности сообщаемому» (например: *Будто я не забочусь о детях!*).

Старорусское будто. В (СРЯ XI-XVII, 2: 346) выделяется два основных типа употребления старорусского *будто*. В рамках первого типа союз и частица не разграничены и имеют значения ‘будто бы, якобы’ и ‘разве, неужели’. В рамках второго типа выделяются изъяснительный и сравнительный союзы *будто*.

Мы предлагаем дополнить это описание, разделив союз и частицу во всех употреблениях, проанализировав их частотность и диахронические изменения с учетом системных отношений с близкими по значению единицами *якобы* и *как бы*², которые, в свою очередь, также подверглись семантической эволюции.

1. Изъяснительный союз – один из основных типов употребления *будто* в старорусский период. В старорусском подкорпусе НКРЯ из 223 вхождений 91 – в позиции изъяснительного союза. Из этого числа исключены случаи, в которых *будто* употреблен после изъяснительного *что*. При этом самые ранние примеры в корпусе именно такого рода (всего примеров со *что будто* 47, с *яко будто* - 1):

(1) Говорил ми отец мой... а сказываешь деи у себя мою грамоту жаловальную, **что будто** яз тебе ослободнил те земли пахати [Грамота в. кн. Ивана Васильевича И. Шушерину (1464-1473)].

Очевидно, *будто* прошло путь от модификатора к союзу, переняв на себя функцию изъяснительного *что*. Подтверждением этому является возможность стоять после другой частицы (структуры типа *что де будто*), а также случаи, в которых *будто* употреблено в двух соседних клаузах, и если в первой – непосредственно после *что*, то в следующей – всегда внутри клаузы, например:

(2) Князь Ондрѣи... сказа, **что будто** присылал по него князь Борис брат его, а говорил ему, чтобы с ним ѣхал ко князю, а князь **будто** к нему присылал... а к нему хотят **будто** многие люди. [Летописец начала царства... (1553–1555)].

2. *Будто в роли модификатора*. С учетом контекстов с союзом *что* таких употреблений большинство (124 из 223) и именно они являются исконными для *будто*. В этом случае, как правило, *будто* является не просто эвиденциальным показателем, как, к примеру, *де*, но одновременно и эпистемическим показателем – маркером недостоверности информации при передаче чужой речи ('говорящий считает, что сообщаемое X-м Р неверно'):

(3) А в грамоте своеи к нам писал еси, что еси на дружбе своеи стоял. А мы **бутто** се на своем слове не устояли [Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Кн. 4. (1551-1556)].

Передаваемая чужая речь, по мнению говорящего, намеренно содержит недостоверную информацию. Кроме того, в ситуации обычно присутствует тот, кто получает выгоду от предоставления ложной информации, и тот, кому эта ложная информация адресована. Перед нами, таким образом, семантические признаки ситуации, в которой в современном русском языке, скорее всего, будет употреблен союз или частица *якобы*.

Выделяются и некоторые другие дискурсивные типы употребления *будто*, однако они маргинальны в рассматриваемый период: *будто* неуверенности ('кажется', 'разве, неужели'); усилительный *будто* ('действительно, ведь').

3. *Будто* как сравнительный союз в рассматриваемый период практически не употребляется. Встретились лишь единичные случаи в текстах 2-й половины XVI – XVII вв. (8 из 223), однако большинство из них все же нельзя считать чисто сравнительными, ср. ситуацию присвоения номинации в (4) или условно-следственные отношения между ситуациями в (5) (пример из СРЯ XI–XVII):

(4) Он, лютый, богоборных жидов на самого Господа вооружи, творя их **бутто** законоревнителей. [А. Курбский. 2-е послание В. Муромцеву (1564-1583)];

(5) ...за мною погнались... **бутга** я у них хатела отца удавить (Сказ о куре и лисице).

Современное и старорусское якобы. Согласно [Летучий 2008] *якобы* в современном русском языке «чаще всего употребляется в контексте недоверия к чужим словам, которые

воспринимаются как сознательно вводящие в заблуждение» (см. также у Н.А. Козинцевой со ссылкой на [Rakhilina 1996: 299-304]), «употребляя *якобы* при введении чужих слов, говорящий открыто маркирует свое отрицательное отношение к этой информации»).

В старорусский период *якобы* ведет себя иначе. Выделяются следующие типы употребления:

целевое ('чтобы'): Нечестивии... ввергоша песь множество въ огнь на мощи святого, **якобы** размешеномъ костемъ быти и не познати мощей святого. [ВМЧ. 26 мая. Мучение святого и прославленного великомученика Христова Гергия Нового (1530-1554)];

сравнительное ('как бы, как будто, словно'): И се вижу к нам летящи бѣлы яко снѣг двѣ птицы, **яко бы** мало поменши гуси. [Досифей... Жития Зосимы и Савватия Соловецких (1500-1503)];

якобы приблизительного количества: Бѣ же нѣкто муж, живый за озеромъ от монастыря того **яко бы** версть 40. [Сказание о Валаамском монастыре (1558-1770)].

Близкое к современному эпистемическому *якобы* появляется в текстах лишь в конце XVII – начале XVIII вв.³: понеже той диавол, преобразився во ангела света, рек ему, **якобы** услышана его молитва у Бога и Бог **якобы** повелел взять его и с плотию на небо. [И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718-1725)].

Старорусское *как бы*, в свою очередь, также употребляется отлично от современного и во многом соответствует старорусскому *якобы*, выступая, по-видимому, в роли стилистического синонима⁴.

Судя по всему, в конце XVII-XVIII вв. началась перестройка этой микросистемы модально-сравнительных конструкций с *якобы*, *как бы* и *будто* (*словно* и *вроде* более позднего происхождения). В старорусский период *будто* в основном выполнял роль показателя недостоверности и косвенного источника информации, тогда как *якобы* и *как бы* – целевых и сравнительных союзов. Таким образом, функционально среднерусское сравнительное *якобы* больше соответствует современным сравнительным конструкциям с *как будто* и *как бы*, не имеющим, однако, целевых употреблений, а старорусское *будто* – современному *якобы*. *Будто* по внутренней форме отличается от близких к нему *якобы* и *как бы*, так как не содержит сравнительный элемент. Отсюда и разное направление семантической эволюции данных конструкций. Если *якобы* и *как бы* в дальнейшем развивают модальные употребления на базе сравнительных, что на широком типологическом материале доказано в [Летучий 2008а], то сравнительные употребления *будто*, вопреки мнению А.Б. Летучего, являются производными от модально-эвиденциальных.

Предыстория *будто*. Источником союза *будто* послужили употребления императивной формы от основы буд- *буди* (менее вероятно – формы презенса типа *буде*) в соединении с местоимением *то*. Очевидность этого факта не вызывает сомнения, поэтому специально происхождение *будто* не исследовалось. Заманчивым выглядит предположение, что в древнерусский период императив *буди* должен был употребляться в уступительных конструкциях типа *БУДИ ТО Х или *БУДИ ТО Р, которые впоследствии лексикализировались. Однако древнерусский подкорпус НКРЯ, а также тексты, рассмотренные в [Пенькова 2010], не содержат подобных примеров, а объемный старорусский корпус выдает всего 6 таких вхождений, чего явно недостаточно для того, чтобы свидетельствовать о тенденции к лексикализации конструкции. Кроме того, неясен семантический мост, который бы связывал *будто* в своем исконном употреблении в роли маркера недостоверности и чужой речи с **будь то* – конструкцией, к которой удобно возводить сравнительный, но не модально-эвиденциальный *будто*. Семантически старорусский *будто* логичнее выводить из устойчивой древнерусской перифразы *не буди то/того* со значением, близким к дубитативному, прохибитивному или даже апрехензивному. В древнерусском корпусе найдено 11 таких примеров, ср.:

(6) ваша оуди Х(с̃)ви соуть, а оуды Х(с̃)вы створимъ ли оуды любодѣица; **не боуди того**. [Пчела];

(7) не ст̃ьи илиа пушастъ молнию. **не буди того**. нь ан̃лъ Г(с̃)нь приставленъ естъ на се. [Житие Андрея Юродивого];

(8) да никтоже можетъ рещи **тако** ненави(т̃) на(с̃) Бъ̃. **не буди то** кого тако любить [Бг̃ъ] **такоже** (нас) възлюбилъ. [Суздалская летопись].

Очевидно, в процессе лексикализации было утрачено отрицание *не*, но сохранилось значение недостоверности ('Р не соответствует действительности'). Такая экспрессивная отрицательная формула использовалась для указания на то, что ситуация не соответствует действительности, противоречит знаниям о мире, является нежелательной для говорящего и оценивается им негативно. Значение этой конструкции, как кажется, до сих пор сохраняется в одном из современных употреблений частицы *будто*, ср. толкование в [Шимчук, Щур 1999]: «будто... выражает уверенность в противоположности сообщаемому», ср. пример выше: **не буди то** кого тако любить [Бг̃ъ] **такоже** (нас) възлюбилъ – **будто** кого-нибудь так любит Бог, как нас возлюбил?

Структурно близкая конструкция *да не би* с апрехензивным значением обнаруживается, к примеру, в современном болгарском языке (об особенностях этой частицы см. [Иванова 2016]), формально она также включает одну из ирреальных форм глагола *быти* (кондиционал) и отрицание⁵.

Примечания

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (РГНФ): Грант № 15-04-00283 «Древнерусский глагол: функционирование и эволюция».

¹Вопреки мнению Л.А. Булаховского [Булаховский 1950: 330], *бытто* следует признать фонетическим вариантом *будто*, ср. аналогичное соотношение *буде/быде*, а также в Олонецком сборнике (л. 12): *бы(т)те [=будьте] в помощ* (благодарю Алексееву А. за сообщение).

²В текстах старорусского периода союз *как будто* не зафиксирован вовсе (его нет в НКРЯ и в СРЯ XI – XVII вв.): первая фиксация, согласно корпусным данным, относится только к 1743 г. (Третьяковский В.К. Рассуждения об оде вообще). Не встречается *старорусское* *будто*, в отличие от современного, и в конструкции *будто бы* (о семантических особенностях сравнительных конструкций с *бы* и без см. [Летучий 2008а]).

³При этом в значении, близком современному *якобы* в древнерусском языке мог употребляться союз *яко* (см., например, [Булаховский 1950: 330]; [Власова 2014: 102-122]).

⁴Строго композиционные употребления (типа: *как бы корабли ни шатались...* [И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725)]) не рассматриваются.

⁵Можно в чем-то сопоставить такой семантический путь с эволюцией глаголов речи (*будто* этимологически не связан с глаголами речи, однако на определенном этапе выступает при глаголах речи как эвиденциальный маркер): ср. лезгинское на *luhudi* ‘ты скажешь’ → ‘как будто’ [Heine, Kuteva 2004: 268]; ср. также *u=n=k:-o* (лексикализованная форма ‘ты скажешь’) ‘как будто’ в удинском, калька с азербайджанского *dey ersən* ‘как будто’ (‘говорить’ в форме 2-го лица ед.ч. оптатива) [Майсак 2016: 359].

Источники:

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1999. – Т.1.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorgora.ru)

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Ф.П. Филин (ред.). – Вып. 3. – Л., 1968.

СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. С.Г. Бархударов (ред.). – Вып. 1. – М., 1975.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Н. Д. Арутюнова (ред.). Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437–453.

Булаховский, Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. – Киев, 1950. – 488 с.

Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. Гипотезы и квазиассерции // Т.В. Булыгина; А.Д. Шмелёв. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 293–304.

Власова, Е.А. *Ѡако рѣхитатишѣм* в древнерусских летописях XI–XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – № 2. – С. 102–122.

Иванова, Е.Ю. Болгарская частица *да не би* как маркер апрехенсива // «Корпусные подходы к балканским языкам и диалектам» 5–7 декабря 2016 года. Институт

лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://ilivg.spb.ru/χρονσ/βαλκανν2016/σλιδεσ/πρωτοσ.лδф> (дата обращения: 15.04.2017).

Козинцева, Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации. // А.В. Бондарко, С.А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб: Наука, 2000. – С. 226–240.

Коптев, М.В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Т. 10. – 2014. – № 2. – С. 712–740.

Летучий, А.Б. Конструкции сравнения ситуаций с показателями *как бы* и *как будто*. // Научно-техническая информация. – 2008. – №4.

Летучий, А.Б. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность. // В. Wiemer & V.A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. – München: Sagner, 2008a. – S. 215–238.

Майсак, Т.А. Перфект и аорист в нижнем диалекте удинского языка. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта. В.А. Плунгян, Т.А. Майсак, К.П. Семёнова (ред.). – СПб.: Наука, 2016. – С. 315–378.

Пенькова, Я.А. Императив *буди* в деловых и летописных памятниках XII–XI вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2010. – №4. – С. 120–126.

Плунгян, В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // В. Wiemer & V.A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. – München: Sagner, 2008. – S. 285–311.

Шимчук, Э.Г., Щур, М.Г. Словарь русских частиц. – Frankfurt-am-Main, 1999.

Heine, B., Kuteva, T. World Lexicon of Grammaticalization. – Cambridge, 2004.

Rakhilina, E.V. *Jakoby* comme un moyen de médiatisation en russe // Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. – Paris: Peeters, 1996. P. 299–304.

О.В. Ряховская

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С КОРНЕМ -ДЕРЗ- В РУССКОМ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Предметом рассмотрения в данной статье является изменение семантики лексем с корнем *-дерз-*, установление их значения в Евангельских текстах и сопоставление слов с данным значением по параллельному тексту в русском, церковнославянском, латинском и греческом вариантах.

Ключевые слова: императив, лексема, семантика, коннотация.